

ЕВГЕНИЙ А. КОСТЮХИН
С. Петербург

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Своим происхождением восточнославянский детский рождественский фольклор обязан Польше. Польские школьники-жаки совершали рождественские обходы со звездой и пели песни – на латинском, а потом и на польском языке, славя Рождество Христово и получая за это вознаграждение. Эти рождественские *oratio* пришли на Украину и в Белоруссию, где стали называться рацеями, а затем и в Россию. Вместе с переселенцами они распространились вплоть до Сибири и дошли до берегов Тихого океана. Таким образом, история детских рождественских песенок – одно из проявлений диалога польской и восточнославянской культуры.

Специфика этого диалога в том, что рождественские песни сочинялись взрослыми, учителями, но исполнялись детьми. Стало быть, песенки эти входили в иной художественный мир – мир детского фольклора – и начинали жить по его законам. Здесь они попадали в сферу иной, специфической ментальности, подчинялись иным художественным законам, становясь частью детского фольклора.

Рождественский фольклор знает два жанра. Во-первых, это колядки – песенки-благпожелания, которые исполнялись молодежью, в том числе и детьми, в ночь перед Рождеством. Славянские колядки – языческого происхождения, но эти древние по происхождению песни, имевшие магический, заклинательный характер, насыщались постепенно христианской образностью. Во-вторых, это собственно рождественские песенки, исполнявшиеся детьми, ходившими со звездой и славившими Христа, – днем 25 декабря (рацейки). Безоговорочно детскому фольклору принадлежат песенки рождественские. Но дети знали и колядки, охотно их пели, так что колядки тоже

входили в детский репертуар. Поэтому темы и мотивы рождественского фольклора во многом были общими.

Композиция восточнославянских колядок – трехчастная. Первая часть – эпическая: здесь говорится о приходе Коляды. Вторая – это прославление хозяина дома, в который являются колядующие, и благопожелания. Третья – требование награды за исполнение колядки. Рождественские мотивы решительно меняют первое звено. Языческая Коляда уходит на второй план или вообще исчезает. Ее заменяет Рождество Христово. Но как связать первое и второе звенья? Если в архаических текстах крестьянину помогала Коляда, то в текстах христианизированных эта роль передается Иисусу Христу. Поклонение пастухов превращается в просьбу обеспечить благополучие хозяину дома, в который пришли колядовщики:

Нова рада стала,
Як на небі хвала,
Над вертепом звізда ясна
Світу воссіяла.
В Давидовім дому
Вигравають ёму,
На всі струни ударяють,
Бога вихваляють.
Пастушки з ягнятком
Перед тим дитятком
На колінка упадають,
Бога вихваляють:

Просим тебе, цару,
Небесний шафару,
Даруй літа щасливії
Сёму господару.
Не так господару,
От як господині.
Даруй літа щасливії
Усенькій родині.
Не так господару,
Ой як ёго дітям
Даруй літа щасливії
От нині до віку!¹

В другом случае Богородица одаряет младенца Христа волшебномagicеской плетью – пугой, и плетка эта должна обеспечить хороший урожай. Так причудливо соединяются рождественская тема и языческая магия, причем второе звено колядки редуцируется, и величайшее в истории человеческой событие – Рождество Христово – тут же связывается с традиционными для колядок угрозами наказать хозяина, если он не отблагодарит колядующих:

Усей двор Бог навітав:
Исус Христос народився,

Де пужкою махне,
А там жито росте.

¹ П. П. Чубинский. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край*, т. III, С. Петербург 1872, с. 330, № 13.

Всему світу знадобився,
Взяла ёго мати под уста,
Піднесла ёго мати під небеса,
Дала ёму мати житяную пужку,—

А хто даэ пиріг,
То спасе ёго Бог,
Хто не дасть пиріг,—
Озьму вола за ріг...²

Младенец Иисус, размахивающий волшебной пугой, — образ диковинный в своей невероятности (чаще, однако, житяную пугу носит Илья—пророк). Его можно упростить, что и делают восточнославянские колядки: Иисус Христос превращается в пахаря, а мать Мария приносит усталому труженику в поле обед:

А в поле-поле на вороном коне
Иисус Христос едет и жито сеет.
Мать Пречистая обед носила,
Иисус Христа просила:
— Уроди, Боже, жито и пшеницу

На всякую пашницу,
На сторонах стогами,
В клетки коробами,
На столе блинами!³

Вот еще один пример связи двух композиционных звеньев. Христос, оказывается, родился не в вертепе, а в том самом крестьянском доме, куда явились колядовщики. В белорусской песне у славимого Петра Алексеевича есть кроваточка тесовая.

На той кровати сама Спожа,
Сама Спожа положилася,
Положилася, обродилася.
Честную паню за куму брала,
Честную паню, Дарью Миколаевну:
— Ты кума моя, ты душа моя,
Возьми жа моё дитятчко,
Возьми яго, сповей яго,

Сповей яго в пелюшечки.
В пелюшечки белёвья,
В поясочки шеўковья,
Да няси ж яго до церкоўки,
До церкоўки до Божия,
До Божия, до духовных,
Положи яго на престоле,
А сама стань для престола⁴.

Так рождественские мотивы трансформируются и деформируются, подчиняясь композиционным законам колядок. Но дело не только в композиции. Колядка всегда предельно предметна и поэтому живописует эпизоды, связанные с Рождеством Христовым. Источник этой словесной живописи — крестьянский быт. Сцены Рождества Христова разыгрываются не только в привычной крестьянской сре-

² Там же, с. 321, № 50 А.

³ *Календарно-обрядовая поэзия сибиряков*, сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Новосибирск 1981, № 98.

⁴ П. Б е с с о н о в, *Белорусские песни*, Москва 1871, № 3.

де, но и наполняются персонажами, пришедшими из родного окружения. Визит трех царей завершается дружеской попойкой: Исько (Иосиф) принял дары и поставил щедрое угощение:

Та як пиднис им	Як хлестнули,
По каганьцю сьвухи	Так и поснули –
Ы по кухлю варенухы;	Ы Исько свитло погасыв ⁵ .

Являются не только волхвы и пастухи – весь народ валит посмотреть на чудесного младенца. Убогость вертепа поражает даже не избалованных роскошью крестьян:

... ні радюжки,	Нема ніц на собі,
А ні пелюшки,	И постель убога –
Тільки сінця	Самая солома ⁶ .
Під колінця...	

Эта жалостная картинка завершается призывом к ребятам бежать за едой, а некий Андрей уже „везе нам горилки четыре барилки”.

Еще живописнее выглядит переполох, вызванный рождением Христа, в белорусской колядке:

Стары Восип бородаты	Кажуть: Христос нам зъявиўся,
Сполохаўся, выскочиў з хаты:	У Бетлеем народиўся!
– Што то, детки, за прокуда:	Побяжим мы все до няго,
Небо горить, вяліко цудо,	Превитаймы маленькаго!
И ангели хорошо спеваюць,	Неба й земли князь богаты
На жулеях пригожа играюць?	В яслях ляжыць межы быдлаты.
Нема в яго жменькы сенца	Принясли горщок ботьвины.
Ани руба-полотенца.	Прячистая поглядае,
Только ж над ним сопить бычок,	На литвиноў нарекае:
С другой стороны осличок.	– Чом вы, глупы два литвины?
Химка с Агапкой, две молодицы,	Ня есть мой Христос ботьвины –
Принясли ковш головицы,	Принясита кашки з молочком,
А Борис стоить под окном,	Коли не з мядовым сочком.
Дяржить чаухирку з толоком,	За то Христос ласков буде,
Кузьма й Дямьян, два литвины,	По век векоў не забуде! ⁷

Сопоставляя подобные тесты с „классическими” колядками, где христианской образности нет или она едва намечена, легко заме-

⁵ А. Терещенко, *Быт русского народа*, ч. VII. С. – Петербург 1848, с. 69.

⁶ Чубинский, *Труды...*, с. 381–382, № 104 А, Б.

⁷ Бессонов, *Белорусские песни*, № 123.

тить: столь ярких, детально выписанных картин колядки не знают. Откуда же они взялись? Источник их очевиден: это школьная драма, разыгрывавшаяся жаками, это популярная у славян кукольная комедия вертепа. Отсюда и обилие персонажей, и неплохо разработанные диалоги, и комические сценки. Родилась такая драма опять-таки в Польше – и оставила след в польских колядках. У Йозефа Лёмпы находим текст, подобный белорусскому: и здесь переполох, и здесь пастушки бегут к Младенцу – кто с буханкой хлеба, кто с молоком, кто с козушкой, чтобы укрыть Его от холода. Но шевца до Младенца не допускают: „A ty, szewce, nie chodź, bo śmierdzisz dziegiem!”⁸. Школьная драма – не жанр детского фольклора, но игралась-то она вчерашними детьми, и богатое детское воображение расцветило рождественскую драму и зависимые от нее колядки яркими картинками, „дополняющими” историю рождения Христа.

Границы между фольклором взрослым и детским стираются, когда речь идет о колядках. Не всегда легко определить, какой перед нами текст – взрослый или детский. Да и вряд ли такое определение столь уж необходимо: это единый рождественский фольклор, в создании которого участвовали и взрослые, и дети.

Обратимся теперь к собственно детским рождественским песенкам, с которыми ходили по домам жаки. Здесь три типа песен. Первый, школьного происхождения, это канты, которые специально заучивались школярами. У нас они пелись по-церковно-славянски (или на родном языке, обильно насыщенном славянизмами). Отсюда – неизбежная путаница в словах, когда канты повторяются людьми менее учеными, чем школяры. Путаются не только слова – искажается евангельская история. Тут дары волхвов приписываются пастухам, тут Рахиль становится то „княгиней Намархиной”, то просто Архылей, а Дева Мария,

Породивши Суса Хрыста,
Да й злякалася

За те древо за клен-древо
Заховалася⁹.

Можно понять сетования киевского учителя: если раньше такие песенки возбуждали добрые чувства, то „теперь они так исковерка-

⁸ J. L o m p a, *Pieśni ludu śląskiego. Ze zbiorów rękopiśmiennych Józefa Lompy*, Wrocław 1970, № 4.

⁹ В. Д о м а н и ц к и й, *Современные колядки и щедривки*, Киев 1905, с. 8.

ны, что теряют смысл, и слушающий их вместо того, чтобы восхищаться тем событием, какое в них излагается, почувствует скорее всего грусть и тоску”¹⁰.

Другой тип текстов – короткие припевки, например:

Христос народился,	С праздником поздравляем
Рай растворился,	И вам того же желаем ¹¹ .
Иуда удавился,	

Наиболее любопытен третий тип – те рождественские песенки, которые прочно вошли в детский фольклор и взрослыми не исполняются. И поскольку это песенки детские, то в них проявляются особенности детского фольклора в целом. А одна из специфических черт детского фольклора в том, что он забавляет. Ни в одной области фольклора нет такого количества „потешных” текстов, как у детей. Поэтому и жаковские колядки – это песенки юмористические, где серьезность события соседствует с забавой – или вообще уступает ей место. О Рождестве Христовом здесь даже не всегда упоминается, хотя пелись такие песенки в день Рождества. Скупое говорится и о доме хозяина, в который пришел школяр. В лучшем случае, ребенок-славильщик обещает попросить Христа о благополучии дома:

Ja mała dziecina	Będę Boga prosiła,
Śpiewam jak ptaszyna;	Coby się kasza rodziła ¹² .

Главным же становится рассказ маленького христославца о себе. Четко определяется структура такого детского стишка: „Я, маленький мальчик” или „Я, маленькая девочка” – и далее шуточная автохарактеристика и просьба о вознаграждении. Чем смешнее и невероятнее рассказ, тем больше шансов на успех:

Ja mały żaczek	Zobaczył Pan Jezus z nieba,
Wylazłem na krzaczek.	Dał mi kawałeczek chleba
Z krzaczka wpadłem w wodę,	I obwarzanków kupę,
Zbiłem sobie o kamień brodę,	I białego sera łupę ¹³ .

¹⁰ „Друг народа” 1873, 15 декабря.

¹¹ Т е р е щ е н к о, *Быт русского народа*, с. 50.

¹² L o m p a, *Pieśni ludu śląskiego*, № 5.

¹³ J. В у с т р о Ń, *Polska pieśń ludowa*, Kraków 1925, № 11. Это грегорианка (т.е. этот именно текст исполнялся 12 марта, во время обходов школьников по домам),

Это школяры – и в юмористических тонах рисуются их школьные злоключения:

Я малий пахолук,
Родився в вівторок,
Ав середу рано
Мене в школу дано...
Я иду з школи плачу
И світа не бачу,
Очи протираю,
На карман позираю,
Вас с праздником поздоровляю!¹⁴

Я маленька дівочка,
Як у полі квіточка,
Більш нічого не знаю –
Тільки аз да буки...
Пожалуйте мені
Грошик у руки.
Я маленька дівочка,
Як у полі квіточка,
Черевичкі корковеньки...
Будьте з праздником
здоровеньки!¹⁵

Стремление разжалобить хозяев соединено с юмором: пахолук родился во вторник, а уже в среду попал в ненавистную школу. А может, он и вовсе не был в школе („книг я не знаю, читать не умею”), а явился сюда, в этот дом, напрямик не откуда-нибудь, а из Вифлеема:

Маленький юночик,
От Пречистой Девы Марии
воспевочик...
Был я во граде Вифлееме,
Видел я чудо великое:
Ангели на небеси возгремели,

С этого грома пад на землю,
Не мог я встать,
По дороге убежать.
Вы, господа, подивитесь,
Златом-серебром поделитесь!¹⁶

Поскольку рождественские песенки – это детский репертуар, то они впитывают в себя ритмы, интонации, мотивы других жанров детского фольклора. Это свойственно славянскому фольклору в целом. В польской песенке маленький жачек поет:

Wylazłem na banię,
Powiadałem kazanie,

Dał mi kromę chleba,
A ja jemu za to

но точно такими же были и детские колядки (см.: *Ż. P a u l i, Pieśni ludu polskiego w Galicji*, Lwów 1838, s. 27-29).

¹⁴ Ч у б и н с к и й, *Труды*, с. 434-435, № 173 А, Б.

¹⁵ Там же, с. 435, № 174.

¹⁶ П. С. Е ф и м е н к о, *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*, ч. 1 – *Описание внешнего и внутреннего быта*, Москва 1877, с. 148.

Powiedziałbym jeszcze,
Ale mi się jeść chce.
Zleciał anjoł z nieba,

Trzewiki na lato,
Buciki na zimę,
A sam hoc kiec pod pierzynę¹⁷.

А вот детская песенка:

Powiem wam kazanie:
Zjadł mi pies śniadanie.

Wyleciał z niego
Malowany chłopiec¹⁸.
Ja psa o piec,

Этот chłopiec malowany появляется в считалках, в небылицах, чрезвычайно популярных в детском фольклоре. О печь можно ударишь не только пса, но и бабу, а из вылетевшего хлопца вылезают баран и овца, из барана — молоко и сметана, а из сметанки — kościół mrogowany¹⁹.

Белорусский мальчик пел:

Я маленький жачек
Ползу, как рачек,
Скачу, как жабка,

Дай кока, бабка!
Не даси кока —
Вылезе око!²⁰

Откуда взялись эти рачек и жабка? Из детской шутовой песенки:

Задумав рачок жениться,
Пошов до жабки журитися

— А у тебе, жабо, черево рябо!
— А у тебе, раче, очи у тыле!²¹

Песенка эта исполнялась и как святочная, и как купальская колядка. Взаимные насмешки кончаются тем, что жабу переехало колесо, а рака съели рыбаки²².

В Сибири записан такой текст:

Маленьки хлопчик
Заскочил на стольчик,
В дудочку сыграл,

Христом обновился.
Не дадите сырца —
Упаду с крыльца,

¹⁷ В у с т р о ѓ, *Polska pieśń ludowa*, № 11.

¹⁸ См. также: К. В. В ó ј с і с к і, *Pieśni ludu Biało-Chrobatów, Mazurów i Rusi znad Bugu*. t. II, Warszawa 1836, s. 272.

¹⁹ Ср.: О. К о л б е р г, *Dzieła wszystkie*, t. IX, Wrocław–Poznań 1963, s. 130.

²⁰ *Зімовыя песні. Колядкі і шчадроўкі*, Минск 1975, № 538.

²¹ Б е с с о н о в, *Белорусские песни*, № 97.

²² См. также: *Зімовыя песні*, № 706, 707; П. В. Ш е й н, *Белорусски народные песни*, С. Петербург, 1874, с. 48, № 92.

Христа прославлял.
Христос родился,

Лоб изломаю,
Всех напугаю...²³

А вот песенка, записанная на Северном Кавказе в конце прошлого века:

Я, маленький хлопчик,
Влез на столбчик,
В дудочку играю,
Христа забавляю.

Аз да буки –
Пожалуйте гривенник у руки,
А да глаголь –
Пожалуйте другой!²⁴

Как видно, Христа не только прославляют, но и забавляют – игрой на дудочке. В известной русской потешке так же потешают младенца:

А барашеньки
Крутороженки
По горам ходят

В дудочку играют,–
Васю потешают²⁵.

Так рождественская песенка „сомкнулась” с потешкой. Возможно, что сама эта потешка – производное от пасторалок с их трогательными картинками поклонения пастухов. Дело не только в отдельных переключках между рождественскими песенками и произведениями иных жанров детского фольклора, а в самом принципе отношения к слову. Детский фольклор играет со словом, нередко пренебрегая значением ради звучания. Особенно это очевидно в считалках, но бессмыслицей не брезгают и иные произведения детского фольклора, рождественские песенки в том числе. Собственно, бессмыслица

²³ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков, № 75.

²⁴ А. Б у б н о в, *Село Рагули Ставропольской губернии Новоградского уезда*, „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа”, вып. XVI, Тифлис 1893, отд. I, с. 260. О том же – в песенках русских (Т е р е щ е н к о, *Быт русского народа*, с. 64-65) и белорусских (Б е с с о н о в, *Белорусские песни*, № 120; П. В. Ш е й н, *Белорусские народные песни*, № 119). В украинской песенке хлопчику удалось развеселить Христа:

Христос засміявся, за грубу сховався,
А ви, люди, знайте, копійчку дайте!

(*Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія*, Киев 1965, с. 529, № 6).

²⁵ П. В. Ш е й н, *Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.*, т. I, вып. I, С.–Петербург, 1898, № 25.

как бы „задана” самой природой рождественских песенок, „школьных” по происхождению, – следовательно, латинских у поляков, церковно-славянских у восточных славян.

Школьные тексты с их тяжеловесными синтаксическими конструкциями, силлабическим стихом, книжным языком производили впечатление чего-то иноземного. Порою им противопоставляется простая, понятная образность:

Над вертепом зїрниця
Світить дуже ясно,
Над тою блищится,
Коби сонце красне.
„Выйди, збуди, Иване,
Глянь на небо, Степане,
Що ж там такого?”

– Звізди бачуть короли
Далеко від шопи,
Бьють поклони монархові,
Яко прості хлопи,
На колїня падають,
Подарунки віддають
Бога вітають...

И этот диалог двух простых „хлопов”, Ивана и Степана, с их удивлением тому, что короли падают на колени перед божественным Младенцем, – до того вещественно прост, что вызывает у славильщиков и шуточные извинения за простоту, и легкую иронию по отношению к „высокому” школьному тексту как иноземной латыни:

Віншувати не вмїю,
Забувим латыни:
Сенкторія оремус,

– Сикуляру бенбенус,
Бильше не знаю!²⁶

Эта „сенктория” вступает в диковинные словосочетания и варьируется („шуба дзинькоторе”, „в дзенкатори сто червонцев”, тут и дзилинькотори, чиндокоре, цинкотора); А А. Потебня дал этому слову простое объяснение: „семинарское измышление от дзень! с латинским окончанием”²⁷.

Так школьные тексты начинают искажаться, особенно рацейки, и П. Ефименко, собиравший фольклор на русском Севере, заметил, что во многих рождественских песенках нет никакого смысла. Вот одна из его записей, где смысл есть, но порою он теряется:

Днесь Христово рождение
Веселимся здесь,

Бог царь от девы Марии
Над вертепи родися.

²⁶ Ч у б и н с к и й, *Труды*, с. 352–353, № 81.

²⁷ А. А. П о т е б н я, *Объяснения малорусских и сродных народных песен. Коляды и щедровки*, Варшава 1887, с. 145.

Благодати есть.
 Хвалу Богу начнем петь.
 В полу на земле звезда,
 Ангелы пастыри
 Возвестили наржденного
 Бога нашего,
 Царь же Ирод,
 Во всем мире,
 Мире нам явися,

Во всем мире,
 Младенцей побили,
 Били, секли, ругали,
 Лежит, тако воронков,
 На полях снопков,
 Маткам ручки заломили,
 Волосы дерут,
 Мира мируют,
 Жалостны матки,
 Соболи детки²⁸.

Варьируются дары волхвов: как известно, принесли они ладан (ливан), мирру (смирну) и золото. В разных вариантах рацеек они превращаются в смирную, лимон, некий „смирам”, „смирну и леву” и т.п.

Переосмысление или потеря смысла в традиционных текстах могут быть прослежены на примере первых двух стихов популярнейшего текста „Я маленький мальчик” (маленький жачек, малый пахоллок, маленький хлопчик). Вместо безымянного маленького пахолка является маленький Прохорок или маленький Пахомик (по созвучию). „Мальчик” именуется у восточных славян также „юнок”, „юночек”, „отрочек”. Следующий шаг – преобразование „юночка” в „юнчика” и „юльчика”. Такого существа – „юльчик” – в русском языке нет. Вот еще одно непонятное существо:

Маленький червончик,
 Божий отрочек,

Славить не умеё,
 Книг не разумеё...²⁹

Хлопчик может превратиться в „хлопик” и далее – в „клопик” (видимо, от шуточного обращения к малышу – „клоп”):

Я, маленький клопик,
 Принес Христу снопик³⁰.

²⁸ П. С. Е ф и м е н к о, *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*, ч. 2 – *Народная словесность*, Москва 1878, с. 96.

²⁹ *Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970-1972 гг.)*, ред. Н. И. Савушкина, Москва 1980, № II.

³⁰ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, разряд 5, кол. 69, п. 15, № 175.

В польском фольклоре „маленький жачек” получает определение „*boży gobaszek*”. Это буквально переводится на русский язык: „Маленький отрочек, Божий червячок”. Но вот белорусские дети поняли польское „*gobaszek*” по-своему: „Я маленький жачек, Божий рыба-чек”,³¹ т.е. тот, кто ловит рыбу. По-видимому, и рачек другой белорусской песни приполз из потешки тоже как переосмысление польского „*gobaszka*”. В Архангельской области этот непонятный „робачек” преобразовался в „баранчика” („Я, божий баранчик”). И уж совсем непонятно откуда появляются маленький ершок и даже маленький кулик:

Я маленький ершок,
Поїв каши горшок,
А на другий поглядаю
І вас с праздником поздравляю³².

Я маленький кулик,
К даче привык.
Пришоў за новиной,
Вас смосці оглоше,
Коленда проше³³.

Этот маленькй хлопчик, придя славить Христа, залезает на столбчик. Столбчик легко превращается в некий „стопчик”, а потом и „стольчик” – и хлопец как бы залезает на стол. Но у русских лазить по столам не принято – и тогда появляется стульчик. Но на стул обыкновенно садятся – и „маленький юльчик сел на стульчик”. А если нет свободного стульчика, то можно сесть и на диван и вообще куда угодно. Тогда является песенка откровенно простая, далеко уходящая от первоначальной формы:

Я маленькая девочка
Села на тарелочку,

Тарелочка – хруп,
Дайте мне рупь³⁴.

А далее в действие вступает поэтика абсурда:

Маленький мальчик
Сел на стаканчик,

В трубочку играет,
Христа забавляет...³⁵

³¹ *Зімовыя песні*, № 538.

³² А. М а л и н к а, *Сборник материалов по малорусскому фольклору*, Чернигов 1902, с. 256.

³³ Ш е й н, *Белорусские народные песни*, № 120.

³⁴ Ю. Г. К р у г л о в, *Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области*, „Советская этнография” 1977, № 4, с. 100.

³⁵ Рукописный отдел ИРЛИ РАН, разряд 5, кол. 69, п. 15, № 172.

„Стаканчик” требует более точной рифмы, чем „мальчик”, – и она возникает, не считаясь со смыслом:

Я маленький канчик, зліз на стаканчик,
Та ще й на бочок. Дайте мені п'ятачок!³⁶

Когда то взглянуть и другие жанры детского фольклора – считалки, потешки, современные русские „садистские стишки” (где тоже разрабатывается тема маленького мальчика, но это особый разговор) – то можно заметить: творческий процесс протекает в них так же, как и в рождественских детских песенках: та же свободная контаминация мотивов, тот же свободный обмен мотивами, та же „игра со смыслом” – от переосмысления традиционных словосочетаний до их полного обесмысливания. И всегда – предпочтение пластических образов тому, что можно было бы назвать „идейным содержанием”.

Недавно профессор Рышард Лужный задал вопрос: а знают ли православные восточные славяне христианские колядки³⁷? Ответ может быть только утвердительным: знают. Рождественский фольклор пришел к ним из польской культуры. По крайней мере, польское происхождение восточнославянских детских рождественских песенок не вызывает ни малейших сомнений: польские образы и мотивы (тот же „*bożu gobaszek*”) сохраняются в русском фольклоре везде, вплоть до Сибири. Но, войдя в русский детский фольклор, рождественские песенки стали жить по его художественным законам, далеко уходя от своего первоначального назначения – нести свет христианских идей. Точнее сказать, эту задачу они выполняют, но весьма своеобразно – шутя и смеясь, теми средствами, которыми владеет детский фольклор.

---

³⁶ *Колядки та щедрівки*, с. 530, № 7.

³⁷ *Z kolędą przez wieki. Kolędy w Polsce i w krajach słowiańskich*, Tarnów 1996.

CHRZEŚCIJAŃSKIE MOTYWY WE WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIM
FOLKLORZE DZIECIĘCYM

S t r e s z c z e n i e

Autor skupia się na folklorze dziecięcym związanym ze świętowaniem Bożego Narodzenia. Na przykładzie dziecięcych pieśni bożonarodzeniowych ukazuje jeden z przejawów dialogu polskiej i wschodniosłowiańskiej kultury.